

Е. Л. Кубель

Ковровая выставка 1935 года
в Государственном музее этнографии

Кубель Елена Леонидовна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Кавказа, Средней Азии, Казахстана, научный сотрудник; elenakubel@yandex.ru

В 1935 г. в Государственном музее этнографии состоялась выставка ковровых изделий из собрания музея. Основной целью выставки была презентация ковроткачества народов Средней Азии и Кавказа в XVIII–XIX вв., но фактически ареал был расширен демонстрацией персидских ковров и украинских килимов. Для того, чтобы раскрыть актуальную тему современного ковроткачества, в музей были приглашены сотрудники коврового цеха артели «Трудкраска», ткавшие в залах выставки ворсовые ковры с портретами советских вождей. В вечерней «Красной газете» от 2 августа 1935 г. была опубликована статья Т. А. Садовского «Лавка древностей», подвергшего критике концепцию этого выставочного проекта. Директор музея П. И. Воробьев дал ответ на высказанные в статье сомнения. Основная дискуссия развернулась в связи с ролью этнографического музея как хранилища и популяризатора культурного наследия, актуальностью и необходимостью этой работы, с важностью музея в фиксации и демонстрации современных процессов, происходящих в стране.

Ключевые слова: Ковровая выставка 1935 г., Государственный музей этнографии, артель «Трудкраска», вечерняя «Красная газета».

В 1935 г. в Государственном музее этнографии была открыта выставка ковровых изделий из собрания музея. В ее подготовке принимали участие сотрудники отдела Средней Азии Г. Н. Григорьев, М. В. Сазонова, А. С. Морозова, Л. В. Строева и Ж. Я. Дехтяренко (Бухбиндер), а также Е. Н. Студенецкая, единственная на тот момент сотрудница отдела Кавказа. Следует отметить, что это была вторая выставка, презентующая ковровое собрание музея. В 1924 г. в Мраморном зале состоялась выставка

«Ковровые изделия Востока»¹, научная концепция которой была хорошо понятна профессиональному музейному сообществу рассматриваемого периода времени, принята им, и в той или иной степени использована при подготовке выставки 1935 г. Основной целью выставки была презентация ковроткачества народов Средней Азии и Кавказа XVIII–XIX вв., но фактически ареал был расширен демонстрацией персидских ковров, а также, с большой долей вероятности, украинских килимов. Это следует из архивных материалов, поскольку на совещании у директора музея рабочий план выставки докладывал заведующий отделом Украины А. Ф. Зенкевич².

Выставка располагалась в двух залах и, как указывал директор музея П. И. Воробьев, было «освоено 463 кв.м выставочной площади»³ (эти цифры были важны для отчета музея в вышестоящие инстанции).

Вводная часть выставки, с точки зрения авторов, была очень важна для понимания и восприятия материала посетителями. Она занимала небольшое пространство при входе в первый большой зал и состояла из карт, диаграмм, схем и фотографий. Представленных тем было немало: «Характеристика хозяйства и экономика ковровых районов», «Техника подготовительных процессов» (с указанием хронометража), «Окраска шерсти и род красителей», «Изготовление ковров», «Домашнее производство ковров, использующее женский труд», «Роль ковра в быту», «Ковровый промысел, аппарат скупщиков до революции, условия труда и эксплуатация». В этом же разделе авторы попытались приблизить традиционный материал к современности, добавив темы: «Ковровый промысел в настоящее время. Промысловая кооперация. Значение артели в раскрепощении женщины»⁴. Использование большого количества текстов, графиков, карт и схем, располагавшихся на щитах, было вынужденной мерой в музейном строительстве с конца 1920-х гг. Таким образом решалась проблема частичного переустройства постоянной экспозиции (дополнение ее материалом по современному строительству), с этой же целью устраивались многочисленные небольшие выставки на актуальные политические темы, например, «Антирелигиозная выставка», выставка, посвященная посевной и т.п. Такие «включения» меняли стиль художественного оформления выставочных проектов, но позволяли решать поставленные государством задачи и вскоре стали привычными.

Основной раздел экспозиции был развернут в этом же зале, там демонстрировались образцы ковроткачества народов Средней Азии (узбеков, каракалпаков, киргизов, туркмен) и «Кавказа (азербайд-

жанцев, татов и др.)»⁵. Материал располагался по группам внутри одной большой темы. Например, в разделе «Роль ковра в быту» материалы группировались следующим образом: ковер в кочевом жилище, образцы ковровых изделий, молитвенные коврики, ковер как предмет роскоши в доме феодала. Особое внимание уделялось орнаменту ковровых изделий, который рассматривался «как этап в истории изобразительной культуры определенной этнической группы или совокупности этнически соседящих групп»⁶. Предполагалось, на примере геометрического орнамента у кочевников, уходящего корнями, по мысли авторов, в историю взаимоотношения человека и животного, построить рассказ не только о роли того или иного животного в скотоводческом хозяйстве, но также и в сфере духовной жизни человека, связав орнамент с таким сложным явлением как тотемизм, а также продемонстрировать типологические ряды, выстраиваемые как «движение в сторону перехода от геометрического орнамента в растительный, к его наивысшей точке – „изображению сада, сада с животными и изображению человека“»⁷. Авторы выставки подобрали образцы, демонстрирующие богатство разнообразных ковровых техник у разных народов. Экспозиция была дополнена ковровыми станками разных типов для создания условных сцен. Кавказский и туркменский станки были перенесены из соответствующих работающих экспозиций музея⁸.

В малом зале были представлены ценные экземпляры ковров персов, афганцев и белуджей.

Авторы, заявляя тему, ограниченную временными рамками XVIII–XIX вв., тем не менее вполне отдавали себе отчет, что выставке остро не хватает современных вещей, и материалов может не хватить для раскрытия это актуальной темы. Частично эта проблема была решена вследствие договора с ковровым цехом артели «Трудкраска», организовавшим соцсоревнование на лучшую работу по тканю ворсовых ковров с портретами советских вождей. Руководство артели в вечерней «Красной газете» объявило о том, что в апреле по выходным дням в музее будет проходить показательный процесс тканя ковров, «оперируя подлинными материалами, из которых ткуются дорогие персидские ковры, под руководством технорука М. М. Ибрагимова по методу узловой персидской ткани <...> демонстрируя перед зрителями весь сложный процесс производства, исторически являющегося привилегией кустарной промышленности Востока»⁹. Соревнующихся работниц организовали в пары по пять групп, каждая из которых должна была выткать на своем ковре портрет одного из вождей: В. И. Ленина, И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова, А. А. Жданова, М. И. Калинина. Предпо-

лагалось, что готовая продукция украсит пятитонный грузовик на предстоящем Первомайском шествии.

Выставка, экспонировавшаяся достаточно долго (с января по август) вызвала интерес посетителей; их отзывы сохранились в «Книге замечаний и пожеланий посетителями о ковровой выставке»¹⁰. Одна из записей посетителя (от 19.01.1935 г.) очень точно попала непосредственно в смысловой центр развернувшейся впоследствии вокруг музея дискуссии. В ней говорилось (стилистика и орфография оригинала сохранена. – Е.К.): «Музей показывает ковер из XVIII–XIX вв. Не мешало бы, если рядом с этим поставить ковер из XX в. Наверно музей не заметил огромные достижения коверных изделий в СССР. Есть закавказские ковры с портретом Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, которые могут взять приз по всемирным масштабам, так и среднеазиатские»¹¹. Ответ администрации на это замечание был вынужденно кратким: «Этнографический музей не занимается собиранием ковров... В настоящее время для этих коллекций музей не имеет средств»¹². О важности проблемы показа современности и музейных подходах к ее решению говорится в многочисленных документах того времени. Так, в отчете за первое полугодие 1935 г. утверждается, что «основной задачей музея этнографии является коренное переустройство экспозиции, что и было предусмотрено производственным планом текущего года. Необходимо выставить и правильно осветить огромный и ценный вещевой материал, накопленный десятилетиями, в плане показа жизни отдельных народов Советского Союза в их мрачном прошлом (в условиях колониальной политики царизма) и в эпоху социалистического строительства, в эпоху роста и расцвета национальной культуры этих народов. Отчетливо сознавая трудности, вытекающие как из односторонности и неполноты старых коллекционных собраний, так и из-за ограниченности работы по накоплению нового материала, музей все же решительно встал на намеченный путь и в настоящее время развивает усилия в области новых экспозиций и собирательской деятельности»¹³. И далее: «Для продолжения работы над разделом „Узбеки в эпоху социалистического строительства“ музей остро нуждался в ассигнованиях для снаряжения специальной экспедиции для сбора конкретного вещевого материала „для показа яркости и расцвета социалистического строительства у узбеков“»¹⁴.

С целью характеристики иных аспектов проблемы, стоявших перед музеем при показе своих коллекций в тот исторический период, можно привести мнение посетителей из «Книги отзывов» (1930 г.) Историко-бытового отдела Русского музея, располагав-

шегося в одном здании с Этнографическим отделом: «Нужно больше расширить отдел „Рабочий быт”. Отметить воспитание смены. Показать „показательный уголок” пионерской базы, жизнь детей. Стандартизованную уборку квартиры. Новую мебель. Как в отношении быта лучше и быстрее отойти от мещанства. Никитин. Балтийский флот»¹⁵. Вопрос заключался и в том, какая экспозиция нужна современному посетителю. Это было время декларации активного построения «светлого будущего», следовательно, требовалось музеефицировать, фиксировать именно настоящее, оставив «за бортом истории» прошлое.

Голос выразителей «идеологического фронта» звучал довольно жестко. В № 175 вечерней «Красной газетъ» от 2 августа 1935 г. была опубликована статья Т. А. Садовского «Лавка древностей», посвященная этой выставке. В ней, в частности, утверждалось: «После революции ковры вынесли из дворцов. Много лет они лежали в подвалах Этнографического музея. Тут подобралась лучшая в мире коллекция туркменских ковров. Теперь их вынесли на выставку. Но вынесли вместе с барской, дурной манерой *пребрежения к личности народной художницы* – создательницы ковра (выделено автором газетной статьи. – Е.К.)»¹⁶. Обращает на себя внимание сам выбор термина «подвалы Этнографического музея», иными словами, имелся в виду просто склад, где что-то лежит. Во-вторых, в этом подвале нечто «подобралось» (безличная форма глагола). Из общественного поля зрения исчезла идея важности атрибуции музейного памятника, его научного анализа, восприятия музейной институции как сообщества экспертов. В своем ответе на статью, директор музея П. И. Воробьев отметил важное, с точки зрения музейного сообщества, обстоятельство, что «эти коллекции – не случайный набор ковров из фондов, а результат длительной собирательской работы музея»¹⁷. Хотя десятью годами ранее этот дискурс был еще актуален, и А. А. Миллер, рассказывая о выставке 1924 г., пишет об атрибуции коллекций, поступивших из дворцов-музеев, как об обычной музейной работе, выполненной экспертом на основе знаний и опыта: «Ковры, ошибочно по месту вывоза называемые бухарскими, дополнили собрание музея, где в ряду материалов, собранных путем исследований на местах производства, оказалось возможным с большой точностью установить и их происхождение»¹⁸.

Статья в газете заканчивалась риторическим вопросом: «Какое знание может дать посетителю и какую научную полноту может претендовать выставка, которая в 1935 г. обрывается на конце XIX в.? Наконец, создается впечатление, что находишься не в отделе научного музея, а в комиссионном магазине»¹⁹.

Музей сумел дать ответ на этот вопрос о сочетании традиционного и современного в экспозициях, но позже его судьба как институции решилась в 1937 г., когда, после полугодичного закрытия для посетителей, он вновь был открыт.

¹ Миллер А. А. Ковровые изделия Востока. Выставка Этнографического отдела Русского музея. Л.: Ленинградский Гублит, 1924.

² АРЭМ. Ф.2. Оп. 1. Д. 471. Л. 2. Протокол совещания при директоре Государственного этнографического музея от 12 ноября 1934 г.

³ АРЭМ.Ф.2. Оп. 1. Д. 517. Л. 21. Основные показатели научно-исследовательской работы за 1935 год.

⁴ АРЭМ.Ф.2. Оп.1. Д.543. Л. 8. Наметки плана вводной части ковровой выставки. Внизу документа подпись – автограф Е. Н. Студенецкой.

⁵ Так в документе. – АРЭМ. Ф. 2 Оп. 1. Д. 543. Л. 7.

⁶ Там же. Л. 9.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 7.

⁹ Там же. Л. 10.

¹⁰ Там же. Л. 1–94.

¹¹ Там же. Л. 4.

¹² Там же.

¹³ Там же. Д. 517. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 3.

¹⁵ Там же. Д. 344. Л. 9 об.

¹⁶ Там же. Д. 527. Л. 332.

¹⁷ Там же. Л. 335.

¹⁸ Миллер А. А. Указ. соч. С. 32.

¹⁹ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Л. 332.

UDC 069.5

E. L. Kubel

The 1935 Carpet Exhibition in The State Museum of Ethnography

Kubel Elena Leonidovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Caucasus, Central Asia and Kazakhstan, research fellow; elenakubel@yandex.ru

In 1935, The State Museum of Ethnography organized an exhibition of carpets from the museum collection. Its main goal was to present carpet-making traditions of the Middle Asia and North Caucasus peoples (XVIII–XIX centuries), but in fact it was a demonstration of Persian carpets and Ukrainian kilims. In order to highlight the popular topic of modern carpet-making,

the museum invited staff members from Trudkraska artisan factory carpet shop. They were making pile carpets with the soviet leaders' portraits right in the museum rooms. The evening issue of Krasnaya Gazeta (August 2, 1935) published the article by T. Sadovsky called The Curio Shop that criticized the exhibition. P. Vorobiev, the museum director, responded to the journalist's reservations. The discussion was mainly centered around the ethnography museum's role of a cultural heritage safeguard and popularizer, around how topical or necessary that job was, as well as around the museum's importance for documenting and showcasing the processes taking place in the country presently.

Keywords: the 1935 carpet exhibition, The State Museum of Ethnography, "Trudkraska" artisan factory, "Krasnaya Gazeta" evening issue.